

Оглавление

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ	
РОМАН БЕЗ ГЕРОЯ. ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ	
	11
ГЛАВА I	
ЧИЗИКСКАЯ АЛЛЕЯ	
	13
ГЛАВА II,	
в которой МИСС ШАРП и МИСС СЕДЛИ готовятся	
к ОТКРЫТИЮ КАМПАНИИ	
	21
ГЛАВА III	
РЕБЕККА ПЕРЕД ЛИЦОМ НЕПРИЯТЕЛЯ	
	33
ГЛАВА IV	
ЗЕЛЕНый ШЕЛКОВый КОШЕЛЕК	
	42
ГЛАВА V	
НАШ ДОББИН	
	58
ГЛАВА VI	
ВОКСХОЛЛ	
	72
ГЛАВА VII	
КРОУЛИ ИЗ КОРОЛЕВСКОГО КРОУЛИ	
	90
ГЛАВА VIII,	
ПРИВАТНАЯ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ	
	100
ГЛАВА IX	
СЕМЕЙНЫЕ ПОРТРЕТЫ	
	112

ГЛАВА X
МИСС ШАРП ПРИОБРЕТАЕТ ДРУЗЕЙ
121

ГЛАВА XI
СЧАСТЛИВАЯ АРКАДИЯ
128

ГЛАВА XII,
ВЕСЬМА ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ
148

ГЛАВА XIII,
ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ, НО БОГАТАЯ И ДРУГИМ СОДЕРЖАНИЕМ
159

ГЛАВА XIV
МИСС КРОУЛИ У СЕБЯ ДОМА
174

ГЛАВА XV,
В КОТОРОЙ НА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ ПОЯВЛЯЕТСЯ СУПРУГ РЕБЕККИ
199

ГЛАВА XVI
ПИСЬМО НА ПОДУШЕЧКЕ ДЛЯ БУЛАВОК
210

ГЛАВА XVII,
О ТОМ, ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ КАПИТАН ДОББИН
ПРИОБРЕЛ ФОРТЕПЬЯНО
221

ГЛАВА XVIII
КТО ИГРАЛ НА ФОРТЕПЬЯНО, КОТОРОЕ ПРИОБРЕЛ ДОББИН
232

ГЛАВА XIX
МИСС КРОУЛИ НА ПОПЕЧЕНИИ СИДЕЛКИ
247

ГЛАВА XX,
В КОТОРОЙ КАПИТАН ДОББИН БЕРЕТ НА СЕБЯ РОЛЬ
ВЕСТНИКА ГИМЕНЕЯ
260

ГЛАВА XXI
ССОРА ИЗ-ЗА НАСЛЕДНИЦЫ
272

Глава XXII
Свадьба и начало медового месяца
284

Глава XXIII
Капитан Доббин вербует союзников
295

Глава XXIV,
в которой мистер Осборн снимает с полки
семейную Библию
303

Глава XXV,
в которой все главные действующие лица считают
своевременным покинуть Брайтон
320

Глава XXVI
Между Лондоном и Чатемом
344

Глава XXVII,
в которой Эмилия прибывает в свой полк
353

Глава XXVIII,
в которой Эмилия вторгается в Нидерланды
361

Глава XXIX
Брюссель
372

Глава XXX
«Я милую покинул...»
387

Глава XXXI,
в которой Джоз Седли заботится о своей сестре
398

Глава XXXII,
в которой Джоз обращается в бегство, а война
подходит к концу
413

Глава XXXIII,
в которой родственники мисс Кроули
весьма озабочены ее судьбой
433

Глава XXXIV
Трубка Джеймса Кроули вышвырнута в окно
445

Глава XXXV
Вдова и мать
465

Глава XXXVI
Как можно жить — и жить припеваючи —
неизвестно на что
478

Глава XXXVII
Продолжение предыдущей
489

Глава XXXVIII
Семья в крайне стесненных обстоятельствах
507

Глава XXXIX
Глава циническая
524

Глава XL,
в которой Бекки признана членом семьи
535

Глава XLI,
в которой Бекки вновь посещает замок предков
546

Глава XLII,
в которой речь идет о семье Осборн
560

Глава XLIII,
в которой читателя просят обогнуть
мыс Доброй Надежды
569

Глава XLIV
Между Лондоном и Хэмпширом
580

Глава XLV
Между Хэмпширом и Лондоном
593

Глава XLVI
Невзгоды и испытания
603

Глава XLVII
Гонт-хаус
613

Глава XLVIII,
в которой читателя вводят в высшее общество
624

Глава XLIX,
в которой мы наслаждаемся тремя переменами блюд
и десертом
638

Глава L
содержит рассказ об одном тривиальном происшествии
647

Глава LI,
где разыгрывается шарада, которая, быть может, поставит,
а быть может, и не поставит читателя в тупик
658

Глава LII,
в которой Лорд Стайн показывает себя с самой
привлекательной стороны
681

Глава LIII
Спасение и катастрофа
693

Глава LIV
Воскресенье после битвы
705

Глава LV,
в которой развивается та же тема
716

ГЛАВА LVI
Из Джорджи делают джентльмена
735

ГЛАВА LVII
Эотен
750

ГЛАВА LVIII
НАШ ДРУГ МАЙОР
760

ГЛАВА LIX
СТАРОЕ ФОРТЕПЬЯНО
774

ГЛАВА LX
ВОЗВРАЩЕНИЕ В БЛАГОРОДНОЕ ОБЩЕСТВО
787

ГЛАВА LXI,
в которой гаснут два светильника
795

ГЛАВА LXII
AM RHEIN
812

ГЛАВА LXIII,
в которой мы встречаемся со старой знакомой
825

ГЛАВА LXIV
НЕПРИКАЯННАЯ ГЛАВА
840

ГЛАВА LXV,
ПОЛНАЯ ДЕЛ И ЗАБАВ
860

ГЛАВА LXVI
AMANTUM IRAE
870

ГЛАВА LXVII,
ТРАКТУЮЩАЯ О РОЖДЕНИЯХ, БРАКАХ И СМЕРТЯХ
889

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

РОМАН БЕЗ ГЕРОЯ

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Чувство глубокой грусти охватывает Кукольника, когда он сидит на подмостках и смотрит на Ярмарку, гомонящую вокруг. Здесь едят и пьют без всякой меры, влюбляются и изменяют, кто плачет, а кто радуется; здесь курят, плутуют, дерутся и пляшут под пиликанье скрипки; здесь шатаются буяны и забияки, повесы подмигивают проходящим женщинам, жулье шныряет по карманам, полицейские глядят в оба, шарлатаны (не мы, а другие, чума их задави) бойко зазывают публику; деревенские олухи таращатся на мишурные наряды танцовщиц и на жалких, густо нарумяненных старикашек-клоунов, между тем как ловкие воришки, подкравшись сзади, очищают карманы зевак. Да, вот она, *Ярмарка Тщеславия*; место нельзя сказать чтобы назидательное, да и не слишком веселое, несмотря на царящий вокруг шум и гам. А посмотрите вы на лица комедиантов и шутов, когда они не заняты делом и Том-дурак, смыв со щек краску, садится полдничать со своей женой и маленьким глупышкой Джеком, укрывшись за серой холстиной. Но скоро занавес поднимут, и вот уже Том опять кувыркается через голову и орет во всю глотку: «Наше вам почтение!»

Человек, склонный к раздумью, случись ему бродить по такому гульбищу, не будет, я полагаю, чересчур удручен ни своим, ни чужим весельем. Какой-нибудь смешной или трогательный эпизод, быть может, умилил его или позабавит: румяный мальчуган, заглядевшийся на лоток с пряниками; хорошенькая плутовка, краснеющая от любезностей своего кавалера, который выбирает ей ярмарочный подарок; или Том-дурак — прикорнувший позади фургона бедняга сосет обглоданную кость в кругу своей семьи, которая кормится его

скоморошеством. Но все же общее впечатление скорее грустное, чем веселое. И, вернувшись домой, вы садитесь, все еще погруженный в глубокие думы, не чуждые сострадания к человеку, и беретесь за книгу или за прерванное дело.

Вот и вся мораль, какую я хотел бы предпослать своему рассказу о Ярмарке Тщеславия. Многие самого дурного мнения о ярмарках и сторонятся их со своими чадами и домочадцами; быть может, они и правы. Но люди другого склада, обладающие умом ленивым, снисходительным или насмешливым, пожалуй, согласятся заглянуть к нам на полчаса и посмотреть на представление. Здесь они увидят зрелища самые разнообразные: кровопролитные сражения, величественные и пышные карусели, сцены из великосветской жизни, а также из жизни очень скромных людей, любовные эпизоды для чувствительных сердец, а также комические, в легком жанре, — и все это обставлено подходящими декорациями и щедро иллюминировано свечами за счет самого автора.

Что еще может сказать Кукольник? Разве лишь упомянуть о благосклонности, с какой представление было принято во всех главнейших английских городах, где оно побывало и где о нем весьма благоприятно отзывались уважаемые представители печати, а также местная знать и дворянство. Он гордится тем, что его марионетки доставили удовольствие самому лучшему обществу нашего государства. Знаменитая кукла Бекки проявила необычайную гибкость в суставах и оказалась весьма проворной на проволоке; кукла Эмилия, хоть и снискавшая куда более ограниченный круг поклонников, все же отделана художником и разодета с величайшим старанием; фигура Доббина, пусть и неуклюжая с виду, пляшет преестественно и презабавно; многим понравился танец мальчиков. А вот, обратите внимание на богато разодетую фигуру Нечестивого Вельможи, на которую мы не пожалели никаких издержек и которую в конце этого замечательного представления унесет черт.

Засим, отвесив глубокий поклон своим покровителям, Кукольник уходит, и занавес поднимается.

Лондон, 28 июля 1848 г.

ГЛАВА I
ЧИЗИКСКАЯ АЛЛЕЯ

Однажды ясным июньским утром, когда нынешний век был еще зеленым юнцом, к большим чугунным воротам пансиона для молодых девиц под началом мисс Пинкертон, расположенного на Чизикской аллее, подкатила со скоростью четырех миль в час вместительная семейная карета, запряженная парой откормленных лошадей в блестящей сбруе, с откормленным кучером в треуголке и парике. Как только экипаж остановился у ярко начищенной медной доски с именем мисс Пинкертон, чернокожий слуга, дремавший на козлах рядом с толстяком кучером, расправил кривые ноги, и не успел он дернуть за шнурок колокольчика, как, по крайней мере, два десятка юных головок выглянуло из узких окон старого внушительного дома. Зоркий наблюдатель мог бы даже узнать красный носик добродушной мисс Джемаймы Пинкертон, выглянувший из-за горшков герани в окне ее собственной гостиной.

— Это карета миссис Седли, сестрица, — доложила мисс Джемайма. — Звонит чернокожий лакей Самбо. Представьте, на кучере новый красный жилет!

— Вы закончили все приготовления к отъезду мисс Седли, мисс Джемайма? — спросила мисс Пинкертон, величественная дама — хэммерсмитская Семирамида, друг доктора Джонсона, доверенная корреспондентка самой миссис Шапон.

— Девочки поднялись в четыре утра, чтобы уложить ее сундуки, сестрица, — отвечала мисс Джемайма, — и мы собрали ей целый пук цветов.

— Скажите «букет», сестра Джемайма, так будет благодарнее.

— Ну, хорошо, букет, и очень большой, чуть ли не с веник. Я положила в сундук Эмили две бутылки гвоздичной воды для миссис Седли и рецепт приготовления.

— Надеюсь, мисс Джемайма, вы приготовили счет мисс Седли? Ах, вот он! Очень хорошо! Девяносто три фунта четыре шиллинга. Будьте добры адресовать его Джону Седли, эсквайру, и запечатать вот эту записку, которую я написала его супруге.

Для мисс Джемаймы каждое собственноручное письмо ее сестры, мисс Пинкертон, было священо, как послание какой-нибудь коронованной особы. Известно, что мисс Пинкертон самолично писала родителям учениц только в тех случаях, когда ее питомицы покидали заведение или же выходили замуж, да еще как-то раз, когда бедняжка мисс Берч умерла от скарлатины. По мнению мисс Джемаймы, если что и могло утешить миссис Берч в утрате дочери, то, конечно, только возвышенное и красноречивое послание, в котором мисс Пинкертон сообщала ей об этом событии.

На этот раз записка мисс Пинкертон гласила:

«Чизик, Аллея, июня 15 дня 18.. г.

Милостивая государыня!

После шестилетнего пребывания мисс Эмили Седли в пансионе я имею честь и удовольствие рекомендовать ее родителям в качестве молодой особы, вполне достойной занять подобающее положение в их избранном и изысканном кругу. Все добродетели, отличающие благородную английскую барышню, все совершенства, подобающие ее происхождению и положению, присущи милой мисс Седли; ее *прилежание и послушание* снискали ей любовь наставников, а прелестной кротостью нрава она расположила к себе все сердца, как *юные*, так и более *пожилые*.

В музыке и танцах, в правописании, во всех видах вышивания и рукоделия она, без сомнения, осуществит самые *пламенные пожелания* своих друзей. В географии ее успехи оставляют желать лучшего; кроме того, рекомендуется в те-

чение ближайших трех лет неукоснительно пользоваться по четыре часа в день спинной линейкой, как средством для приобретения той достойной осанки и грации, которые столь необходимы каждой *светской* молодой девице.

В отношении правил благочестия и нравственности мисс Седли покажет себя достойной того Заведения, которое было почтено посещением *Великого лексикографа* и покровительством несравненной миссис Шапон. Покидая Чизик, мисс Эмилия увозит с собою привязанность подруг и искреннее расположение начальницы, имеющей честь быть вашей,

милостивая государыня,
покорнейшей и нижайшей слугой,

Барбарою Пинкертон.

P.S. Мисс Седли едет в сопровождении мисс Шарп. Особая просьба: пребывание мисс Шарп на Рассел-сквер не должно превышать десяти дней. Знатное семейство, с которым она договорилась, желает располагать ее услугами как можно скорее».

Закончив письмо, мисс Пинкертон приступила к начертанию своего имени и имени мисс Седли на титуле Словаря Джонсона — увлекательного труда, который она неизменно преподносила своим ученицам в качестве прощального подарка. На переплете было вытиснено: «Молодой девице, покидающей школу мисс Пинкертон на Чизикской аллее — обращение блаженной памяти досточтимого доктора Сэмюэла Джонсона». Нужно сказать, что имя лексикографа не сходило с уст величавой дамы и его памятное посещение положило основу ее репутации и благосостоянию.

Получив от старшей сестры приказ достать Словарь из шкафа, мисс Джемайма извлекла из упомянутого хранилища два экземпляра книги, и когда мисс Пинкертон кончила надписывать первый, Джемайма не без смущения и робости протянула ей второй.

— Для кого это, мисс Джемайма? — произнесла мисс Пинкертон с ужасающей холодностью.